

Л. Н. Казаманова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КРИТСКИХ ПОЛИСОВ (VI—IV вв. до н. э.)

Общественный строй критских городов в значительной степени отличался от общественного строя развитых греческих государств, в частности от Афин. Наличие многочисленных сходных черт в общественном устройстве и в жизни ряда так называемых отсталых районов Греции (какими были Спарта, Крит, Фессалия, Аргос и др.) заставляет более широко ставить вопрос о причинах этого своеобразия, указывая на то, что существование этих общин в истории греческого общества было явлением не случайным, а достаточно типичным и закономерным.

Восстановление общей картины критского социально-экономического строя не является целью настоящей статьи. В наши задачи входит лишь рассмотрение некоторых специфических особенностей общественного строя критских полисов. Мы попытаемся прежде всего показать те черты общественной жизни критян, которые были тесно связаны с сохранением общинной формы собственности на землю или ее пережитков.

Проблемы социально-экономической истории Крита VI—IV вв. до н. э. сравнительно мало изучены. В общих трудах Э. Мейера, Р. Пельмана, Г. Бузольта — Г. Свободы, Г. Глотца и др. частично использованы данные Гортинского законодательства, но с выводами их мы нередко не можем согласиться в силу их недостаточной обоснованности и тенденциозности.

Так, например, без сколько-нибудь веских оснований обычно отрицается коллективный характер собственности на землю и рабов, ее обрабатывавших, игнорируются пережитки общинных отношений в быту критян, стирается различие в положении критских рабов-войскев¹ и крепостных, а критское общество определяется как «средневековое», феодальное². Особое место вопросу о коллективном характере собственности на землю в некоторых полисах Греции уделяет Р. Пельман. Под влиянием реакционной политической идеи все пережитки общинного землевладения он расценивал как искусственное ограничение права собственности, введенное якобы государством для сохранения и укрепления спартано-критского общественного и государственного порядка. Поэтому сисситии

¹ Подробнее см. Л. Н. Казаманова, Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1952, № 3.

² Fustel de Coulanges. Étude sur la propriété foncière à Sparte. Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire. P., 1891; P. Guiraud, La propriété foncière en Grèce, P., 1893; G. Glotz, Histoire Grecque, I, P., 1938; RE, IV-A.

или андрии он считал государственными организациями, не связанными с аграрным строем Крита и Спарты, но созданными в какой-то мере искусственно; он рассматривал их как явления случайные, не имеющие корней в экономике общества. Однако, как увидим ниже, фактический материал опровергает эти построения.

Работы филологов и юристов¹ являются, в сущности, филологическими или юридическими комментариями к Гортинской надписи. В этих трудах, ценных отдельными наблюдениями по частным проблемам, связанным с Гортинским законодательством, отсутствует, однако, подлинно историческая трактовка этого памятника. Авторы новейших исследований, построенных на археологическом материале, как, например, П. Демарнь², также не затрагивают основных принципиальных вопросов экономики и общественного строя Крита. Социально-экономические проблемы обходит молчанием и работа А. Эффантерра³, основанная преимущественно на литературных источниках. Интересная и тематически разносторонняя работа Виллеттса, к сожалению, нередко носит описательный характер и далеко не всегда отвечает на многочисленные вопросы, которые встают перед исследователем «нового типа общества — критской аристократии»⁴. Автор уделяет недостаточное внимание основному вопросу критской социально-экономической истории — вопросу о характере земельной собственности.

Советские ученые лишь в самой общей форме затрагивали вопросы общественного строя Крита. Специально Криту посвящена только одна статья Р. В. Шмидт, в которой автор в связи с рабовладением коснулся и некоторых общих проблем критской истории. Недостатком этой работы является источник основных формулировок.

Акад. В. В. Струве в предисловии к переводу книги Дж. Пендлбери (а также в статье ВДИ, 1950, № 4), говоря об основных проблемах истории Крита додорийского времени, правильно сопоставил термин мноиты (автором, однако, допущена неточность, — термин мноиты в Гортинской надписи не встречается) с именем царя Миноса, а Гортинское законодательство рассмотрел с точки зрения «Минойского» влияния. Однако автор не указал на гипотетичность этой проблемы и трудность ее разрешения.

В работе, посвященной истории Родоса «переходного» периода (1100—900 гг. до н. э.), К. М. Колобова⁵ широко использовала критские материалы, но, к сожалению, проблемы истории Крита ею освещены бегло, в самой общей форме. Вопросов землевладения в критских полисах автор не коснулся.

Исследование форм собственности на средства производства, в частности на землю, является ключом к выяснению характера социально-экономических отношений. Гортинское законодательство дает некоторые материалы для характеристики форм собственности на Крите, позволяет точно установить, какие виды имущества подлежали разделу при наследовании, т. е. какие виды имущества являлись частной собственностью. Из ряда статей ГЗ вытекает, что разделу на Крите (в Гортине) в начале V в. до н. э. подлежали только одно движимое имущество и городские дома. Об этом свидетельствует следующая статья: «Если кто-либо умрет,

¹ Fr. Bücheler u. E. Zitelmann, Das Recht von Gortyn, RhM, 40, N. F., Ergänzungsh. (1885); R. Dareste, La loi de Gortyne, BCH, IX (1885); T. Koehler u. E. Ziebart, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912.

² P. Demargne, La Crète dédalique, P., 1947; J. D. S. Pendlebury, The archaeology of Crete, L., 1940.

³ H. v. Effenterre, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe, P., 1948.

⁴ R. F. Willetts, Aristocratic Society in ancient Crete, L., 1955, стр. IX.

⁵ Ученые записки ЛГУ. Сер. историч. наук, № 192, вып. 21, Л., 1956.

то дома, которые находятся в городе, и то, что в домах, в которых не живет войкей, живущий в деревне, и мелкий скот и крупный скот, который не принадлежит войкею, пусть принадлежат сыновьям» — Ἐδὲ κ' ἄποθάνει: τις, |(σ)τέγανς μὲν τὰνς ἐν πόλι κ' ἄ | τι: κ' ἐν τᾶϊς (σ)τέγαις ἐνεῖ αἶ | ς κα μὲ Φοικεὺς ἐν Φοικεῖ ἐπ | ἰ κόρα: Φοικίον, καὶ τὰ πρόβατα κα | ἰ καρτα [ί] ποδα, ἄ κα μὲ Φοικέος ἔι, | ἐπὶ τοῖς υἰᾶσι: ἔμεν . . .¹.

Таким образом, ясно, что, согласно ГЗ, частной собственностью граждан являлось только городское имущество, — содержимое городского дома, запасы пищи, одежда, украшения, крупный и мелкий скот, не принадлежавший участку, обрабатываемому войкеем и находившемуся в сельской местности, — то есть все, кроме земельных наделов (клеров) и связанных с их обработкой орудий и скота. Это вытекает из характерной оговорки в законах, что разделу подлежат только те дома и их содержимое, которые находятся в городе, в которых не живет войкей. В другом отрывке из Гортинских законов, где речь также идет о наследовании имущества, говорится о разделе только скота, плодов, одежды, украшений и движимого имущества: «Если кто-либо не захочет делить животных, плоды, одежду, украшения и движимое имущество . . .» (Ἐὰν τῶν δὲ καὶ καρ | πῶ καὶ Γέμας κ' ἄν | π: δέμας κ | ἐπὶ: πολαίον κρεμάτων, αἶ κα μὲ λείοντι: δατέ- [θ] θαί. . . .)².

В Гортинском законодательстве нет ни одного упоминания о земельной собственности и порядке наследования клеров, так как этот вопрос не входил в сферу действия частного права, сборником которого было ГЗ. На этом основании мы считаем возможным предположить, что частная собственность в Гортине существовала только на одно движимое имущество. Обрабатывавшаяся земля со всеми находившимися на ней постройками, возделывавшими ее войкеями и скотом составляла клер гражданина. Как это видно из приведенного выше материала, клер не подлежал разделу между наследниками и еще не являлся частной собственностью гражданина. В Гортинских законах ни разу не упоминается о каких-либо операциях, связанных с землей (закладывании, купле-продаже и т. д.), вызванных процессом формирования частнособственнических отношений (см. IV, 23—24; V, 25—28 и др.).

Под термином *χρεῖματα* здесь понимается только движимое имущество, которым критские граждане владели на правах собственности, хотя с некоторыми ограничениями³. В этом отношении Крит очень напоминает Спарту, где, как известно, в VI—V вв. до н. э. не существовало частной собственности на землю в том виде, в каком она существует при развитой античной форме собственности. Как в Спарте, так и на Крите в VI—V вв. до н. э. земля была собственностью всей «общины равных» и только отчасти поступала во владение ее отдельных членов.

Ярким доказательством этого в Спарте служат неотчуждаемость и юридическое равенство клеров, существовавшие вплоть до закона эфора Эпитадея. «Община равных» была коллективным собственником земли — материальной основы ее существования, ибо «Там, где собственность существует *только* как общинная собственность, отдельный член как таковой, бывает *только владельцем*, наследственным или не наследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве

¹ Leges Cortynae, IV, 31—36. Цитирую по проверенному изданию текста Гортинских законов: С. D. B u c k, The greek dialects, Chicago, 1955.

² LG, V, 40.

³ Сильно ограничивалось право дарения движимого имущества — LG, IV, 50.

с общиной, а не в отличие от нее. Стало быть, это отдельное лицо является только владельцем. Существует только *коллективная* собственность и только *частное владение*¹.

На Крите наличие двух видов коллективной собственности на землю (государственной собственности и общинных земель, отданных во владение отдельным гражданам) повлекло за собой существование двух видов собственности на рабов².

Государственная земля могла быть отдана гражданам для обработки, но государство сохраняло на нее право собственности. Об этом свидетельствует надпись из Гортины (правда, относящаяся уже к IV—III вв. до н. э.): «Садовая земля в Кескоре и Палах отдана городом для возделывания. Если кто-либо ее продаст или заложит, то пусть она не принадлежит ни купившему, ни взявшему в залог» (SGDI, III, 2, № 5000).

Наделы отдельных граждан (клары, или клеры) также не были частной собственностью, они, как можно полагать, были закреплены за отдельными семьями и передавались по наследству, согласно существовавшему в городе порядку. К сожалению, состоящие источники не дают возможности вполне осветить этот вопрос. Косвенным доказательством высказанного предположения может служить порядок наследования движимого имущества, раздел которого, как правило, происходил только после смерти главы семьи (отца), и при его жизни допускался только в виде исключения (LG, IV, 25 сл.). Патриархальный характер критской семьи с ярко выраженным отцовским правом явствует из формулировки закона: *Τὸν πατέρα τῶν τέκνων καὶ τὸν κρεμᾶτον κ' ἀρτερόν ἔμεν τὰδ δαίσιος* | . . . «Пусть у отца будет власть над детьми и право раздела имущества . . .» (LG, IV, 25 сл.). После смерти главы семьи, раздел имущества происходил, согласно требованию родственников, имевших право на получение наследства — *οἱ ἐπιβάλλοντες* (от глагола *ἐπιβάλλω*, помогаюсь). Бывали случаи, когда родственники не хотели делить движимость, а предпочитали жить одной большой семьей, что видно из формулировки закона (LG, V, 30 сл.). Мы полагаем, что объяснение этому факту следует искать в коллективном характере собственности на землю. Прямыми наследниками как отцовского (*τὰ πατροῖα*), так и материнского имущества (*τὰ μητροῖα*) являются сыновья (LG, IV, 45). Под понятием (*τὰ μητροῖα*) имелось в виду имущество, которое имела женщина до вступления в брак, и половина дохода, поступившего от этого имущества, а также половина того, что она «напрядет». Это имущество могло быть отдано в залог или продано, а деньги отданы в рост. Архаический термин «напрядет» (*ἐνυπάνει*), который первоначально, очевидно, понимался буквально, в V в. до н. э. означал «приобретет».

Если сыновей не было, то наследовали внуки или правнуки, т. е. прямые потомки: «Когда умрет муж или жена, если есть дети или дети детей, или их дети, то пусть они имеют имущество» (LG, V, 10). Если прямые наследники мужского пола отсутствовали, то право на наследство получали братья умершего, племянники его и внучатые племянники — «если из этих никого нет, а [есть] братья умершего и дети братьев и их дети, то пусть они имеют имущество» (*Αἱ δὲ καὶ μέτις εἴ τοῦτῳ ἄ (α)δελφοὶ δὲ τὸ ἀποθανόντος κέκς ἄδε [λ] πιδν τέκν|α εἰ ἐς τοῦτων τέκνα, τοῦτος ἔκεν τὰ κρέματα* — V, 15 сл.). И, наконец, если отсутствовали родственники по мужской линии, право на получение имущества при-

¹ К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, стр. 11.

² См. Л. Н. К а з а м а н о в а, *Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э.*, ВДИ, 1952, № 3.

обретали дети сестры и внучатые племянники со стороны сестры. Если отсутствовали и последние, то наследство должно было перейти к οἱ ἐπιβάρλωντες — родственникам умершего, членам его рода, в какой бы степени родства они ни состояли (LG, V, 24). Таким образом, критское законодательство путем сохранения порядка наследования, при котором в первую очередь наследниками имущества являлись прямые потомки умершего — сыновья, внуки, правнуки, затем, ближайшие агнаты — братья, племянники, внучатые племянники по мужской линии или οἱ ἐπιβάρλωντες — члены рода, стремилось удержать собственность в пределах рода.

Значительная часть статей ГЗ посвящается рассмотрению вопроса об эпиклерах (πατροὶχοί), тщательно регламентируется поведение дочерей-наследниц. Такое внимание к этим вопросам объясняется тем, что в данном случае снова возникала проблема сохранения имущества внутри рода, игравшая столь большую роль в критском законодательстве и в жизни критского общества.

Дочери-наследницы не имели права собственности на имущество отца. Они лишь служили связующим звеном между отцом и своими сыновьями, к которым впоследствии переходило отцовское имущество. Поэтому ГЗ самым тщательным образом регламентирует брачные связи дочерей-наследниц. Дочь-наследница не могла выйти замуж за любого гражданина, законодательством ей предписывалось выходить замуж прежде всего за дядю со стороны отца в порядке старшинства: τῶν πα|(τ)ροῖ(δ)κων ὁπίε(θ)θα ἀδελφι|οῦ τῷ πατρὸς τῶν ἰόντων τῷ|πρεῖγ(ι)στοι «Дочь-наследница пусть выходит замуж за старшего брата отца» (LG, VII, 16 сл.).

В случае отсутствия братьев отца, эпиклера должна была выйти замуж за племянников отца, своих двоюродных братьев, опять в порядке старшинства (LG, VII, 25 сл.). Таким образом, здесь мы встречаемся с распространенными в ряде стран древнего Востока и Греции явлениями левирата и сорората.

При отсутствии же указанных родственников закон обязывает эпиклеру выйти замуж за любого из членов ее филы. Это правило повторяется дважды: «Если родственника, имеющего право жениться на наследнице, нет, то пусть она по своему желанию выходит замуж за того из филы, которой добивается [ее руки] (LG, VII, 50 сл.); «Если у наследницы не окажется родственников, имеющих право на ней жениться, согласно предписанию [законов], то пусть она имеет все имущество и выходит замуж за того из филы, за кого хочет» (LG, VIII, 10).

Законодательство предусматривает даже расторжение браков, если женщина оказывается после смерти отца единственной наследницей его имущества (LG, VIII, 20). Очень существенны различия между тем случаем, когда у женщины имеются дети, прямые наследники имущества ее отца, и тем, когда их нет. Если дети имеются, то женщина, получившая наследство отца, может и не расторгать своего первого брака. Если же детей не имеется, то она должна расторгнуть брак, считающийся теперь незаконным, и, получив все имущество отца, обязана выйти замуж за ближайшего из родственников.

Таковыми оставались имущественные отношения в критских полисах приблизительно до конца V в. до н. э. Конец V — начало IV в. до н. э. знаменуют некоторый поворот в социально-экономическом развитии острова. Документы, относящиеся к этому времени, говорят о сравнительно быстром развитии частной собственности на землю. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные торговые и ростовщические операции, связанные с землей. Указанный процесс был в значительной степени обусловлен развитием торговых связей, как внутренних, так и внешних, и сопро-

вождался, как мы увидим, бурным ростом социальных противоречий и обострением социальной борьбы.

Остановимся на некоторых основных моментах исторического развития Крита в V—IV вв. до н. э.

Еще в архаическую эпоху Крит играл значительную посредническую роль в торговле Греции с государствами Востока. Сохранялась связь с островами Родос, Кипр, с материковой Грецией, Дельфами, Атикой. Терракотовые изделия, найденные на Крите, указывают на торговлю острова с государствами Малой Азии¹. Этим фактам как будто бы противоречит античная традиция, согласно которой Крит архаического и классического времени рисовался изолированным, мало связанным с общим течением исторических событий Эллады.

Платон (*Leges*, III, 680 C) отмечает замкнутость критского образа жизни, отражавшуюся на культурных связях острова.

Аристотель в «Политике» (II, 1272 b) писал: «Критяне не имеют владений вне острова и лишь в недавнее время чужеземная война докатилась до них». Критские граждане не упоминаются среди участников общегреческих состязаний и игр. Только в V в. до н. э. критские бегуны на большие дистанции появляются в списках участников состязаний (*Pund.*, Ol., XII, 123).

Однако эпиграфический и нумизматический материал, а также некоторые сообщения Геродота и Фукидида свидетельствуют о том, что в классический период Крит принимал некоторое участие в исторической жизни Греции. Не играя активной роли в политической борьбе во время греко-персидских и Пелопоннесской войн, критские города, однако, в V в. до н. э. были связаны в экономическом отношении с рядом греческих государств. Геродот приводит подробный рассказ о том, что выходцы с острова Самоса во время войны основали в Кидонии колонию (III, 44, 59). Цель этого предприятия носила политический характер. Однако через шесть лет пребывания на острове самосцы «были разбиты в морском сражении эгинянами в союзе с критянами и обращены в рабство». По сообщению Геродота, на Крит были отправлены послы для получения согласия на совместный поход греков против Керкса (VII, 145). Отправка послов на Крит для греков не представлялась чем-то необычным. Скорее неожиданным казался отказ критян от участия в походе 480 г. Однако возможно, что критские стрелки сражались против персов; по некоторым данным критяне участвовали и в Саламинской битве (*Plato, Leges*, IV, 707 B).

Во время бурных событий, связанных с Пелопоннесской войной, критские города занимали весьма осторожные позиции, вероятно, боясь повредить своим торговым интересам открытой поддержкой той или иной стороны. В то время, как целый ряд островов, близко расположенных от Крита, был втянут в борьбу проспартанских и проафинских группировок, Крит оставался в стороне, в его внутренние дела никто не вмешивался, остров был свободным как от спартанской, так и от афинской гегемонии. Однако вряд ли можно утверждать, что во время Пелопоннесской войны остров был изолирован в политическом отношении от всей Греции. Фукидид неоднократно упоминает критских наемников, и мы видим, что симпатии критян преимущественно были на стороне афинян. При перечислении войск афинских союзников Фукидид среди наемных войск упоминает 480 стрелков, из которых 80 человек были критянами (VI, 43, 2). В другом месте Фукидид пишет: «Критяне и этоляне согласи-

¹ См. De m a g n e, ук. соч.; Д. П е н д л б е р и, Археология Крита, М., 1950, стр. 351 сл.

лись пойти за плату. Критяне оказались в таком положении, что они, основатели Гелы вместе с родьями, пошли добровольно за плату не со своими колонистами, а против них», — то есть на стороне афинян (VII, 57, 9). Критяне-наемники, выступавшие на стороне Афин, неоднократно упоминаются Фукидидом (VI, 25 и др.).

О значении торговли в жизни острова сообщает Платон (*Leges*, VI, 752 D). В приводимой Геродотом легенде о выводе колонии жителями Феры также засвидетельствована торговая роль Крита (IV, 151). Критяне были известны Геродоту как опытные мореплаватели, торговавшие с различными странами. О постоянном общении жителей Крита с городами Малой Азии говорит факт существования смешанных браков. Так, об Артемисии у Геродота сказано: «Она дочь Ликдамида, по отцу происходит из Галикарнаса, а по матери с Крита» (VII, 99). Известная надпись, относящаяся к V в. до н. э., говорит о существовании тесных политических связей критских городов Кносса и Тилисса с Аргосом¹. О связях с Афинами свидетельствует и тот факт, что уроженцу Гортины Никию афинянами была дарована проксения (*Thuc.*, II, 85, 5).

К V в. до н. э. возросло количество торговых портов. В критских городах находилось большое количество иностранцев, прибывших по торговым делам, права которых строго охранялись законодательством. На Крите существовало особое должностное лицо, — мнамон — по делам иностранцев, проживавших на острове (*LG*, XI, 16). Согласно свидетельству нумизматических данных, критские полисы вели между собой оживленную торговлю.

Захват пленных и превращение их в рабов было часто результатом морского разбоя и междоусобных войн, на распространение которых с древних времен единогласно указывают многие источники. Общее развитие критской торговли и наличие большого числа покупных рабов в V—IV вв. до н. э. свидетельствуют о распространении торговли рабами.

Рабы на Крите продавались и покупались на определенном рынке. Купленные рабы назывались особым термином *χρῆσωνυτοί* (*Athen.*, VI, 84) и употреблялись для домашних работ. К IV в. до н. э., и особенно в эллинистический период, возросла посредническая роль критской торговли, остров стал базой по торговле рабами и очагом пиратства. Если Минос, согласно легенде, вступил в борьбу с пиратами и очистил от них море, то в IV—III вв. до н. э. Крит наполнил море пиратами (*Strabo*, X, 4, 9).

Развитие внешней торговли способствовало развитию товарно-денежных отношений и внутри страны. В V в. до н. э. все штрафы взимаются уже исключительно в денежной форме. Самые ранние монеты Крита относятся к началу V в. до н. э. — монеты Гортины и Феста². Для городов Крита, особенно для Кносса, Гортины и Феста, характерна высокая техника чеканки монет, что свидетельствует о значительном развитии ремесла и торговли. В V в. до н. э. уже чеканили в серебре свою монету Кносс, Гортина, Фест, Элевтерна, Итан, Литт, Прианс, Паук. В IV в. до н. э. появляются монеты многих других городов, в том числе Аптеры, Акса, Кидонии, Элирия, Иерапитны, Полирения, Ритимны, Тилисса и др. Всего в это время чеканят медную и серебряную монету 28 городов. На не-

¹ См. А. В. Никитский, Об аргосской надписи о Кноссе и Тилиссе, *ЖМНП*, 1911, июнь.

² В. Н. Head, *Historia nummorum*², Oxf., 1911, стр. 457 сл.; J. N. Svoronos, *Numismatique de la Crète ancienne*, Macon, 1890, см. Gortyne; J. N. Svoronos, C. В. M., *Crete and the Aegean Islands*, I сл.

которых монетах чеканится имя мастера. Так, например, известны имена Пифодора из Аптеры и Неанта из Кидонии¹.

Чеканка по эгинской весовой системе обусловлена характером торговых связей критских полисов, прежде всего, — с прилегающими островами. Рост посреднической торговли и развитие денежного хозяйства должны были неизбежно повлечь за собой значительные перемены в социальной жизни критян. Результатом этих процессов явилось развитие частной собственности на землю. Эпиграфический материал IV в. до н. э. рисует нам уже совсем иную картину, чем в V в. до н. э. Накопление богатств, развитие ростовщичества, земельная задолженность, рост социальной дифференциации, развитие долгового рабства — вот картина жизни критских городов IV в. до н. э. Появление ипотеки, вызванное развитием частной собственности на землю, повлекло за собой распад критской «общины равных». Ряд надписей свидетельствует о том, что в критских полисах, в частности в Гортине, заключаются разнообразные сделки, связанные с землей, — заклад участков, перепродажа, отчуждения и т. д. Законом предписывается совершить все необходимые процедуры, связанные с переходом земли к другому владельцу, в течение трех дней в присутствии двух свидетелей. Как правило, закладывание участка производилось в присутствии как закладчика, так и берущего в залог. Но, если один из участников по каким-либо причинам не мог присутствовать, то со стороны закладывающего мог выступить посторонний или родственник, назвав имя последнего. Таким образом, в этом случае сделка превращалась в односторонний формальный акт передачи земли кредитору: «Каждый, кто по старости или по другой причине не в состоянии прийти туда, где осуществляется заклад, то если кто-либо заложит вместо него, пусть не будет виновным. Он должен делать это только от его имени (ὄνμαινέτω δὲ (τὸ)ὄνομα)» (SGDI, III, 2, № 4992).

Отдающий в залог свой надел должен был произвести обмер земли в присутствии двух свидетелей и поклясться, что владел этой землей на законном основании, получивший же клялся, что он «не владел этим участком земли» (SGDI, III, 2, № 4986 и 4992).

Существует надпись, свидетельствующая о судебных процессах относительно отчуждения клеров (SGDI, III, 2, № 4986). Примитивные формы процесса — выигрывал тот, за кого клялось большее число людей (νικῆν δ' ὄτερ' ἄ κ' οἱ [πλίεζ] ὁ μόσοντι), — были связаны с сохранением архаических пережитков, но в новых условиях они открывали широкие просторы для подкупа. Приобретение земельного участка путем его отчуждения у должника стало в IV—III вв. до н. э. одним из законных способов приобретения земельной собственности. Надпись SGDI, III, 2, № 4999 свидетельствует о факте длительной судебной тяжбы, так как дело приобрело спорный характер. Предусматривался даже самый неожиданный исход дела — отказ судьи и мнамона от исполнения своих обязанностей. Рассмотрение таких спорных вопросов передавалось на суд гетерии и особой инстанции, специально разбиравшей дела о закладе имущества (там же). Законодательство предписывало судье решать дела о земельных тяжбах возможно в более короткий срок. Однако, если ограничивалась возможность затягивать решение дела о земле, то злоупотребления и несправедливые решения этих вопросов допускались двойственной формулировкой положения о незаконной покупке каких-либо видов собственности. Например, надпись SGDI, III, 2, 4998 регулирует отношения купившего и продавшего в том случае, когда сделка носила незаконный характер, предоставляя продавшему право требовать свое

¹ Н e a d, там же.

имущество обратно и расторгнуть сделку в течение 30-ти дней. Однако это право нарушалось предоставлением возможности добровольного соглашения без вмешательства судебных органов (SGDI, III, 2, № 4998). Таким образом, концентрация земель, обезземеливание бедняков, разорение и закабаление масс, начавшиеся, очевидно, раньше, к концу IV в. до н. э. достигли значительных размеров. Все эти явления должны были неизбежно повлечь за собой не только экономическое, но и политическое преобладание разбогатевших родов, определенной группы людей, в руках которых сконцентрировались богатства. Процесс концентрации богатств на Крите в IV—III вв. до н. э. можно сопоставить с аналогичным явлением, наблюдавшимся в это же время в Спарте, которое Аристотель называет термином *φιλοχρηματία*. Происходил этот процесс при сильном сопротивлении бедняков, в обостренной социальной обстановке. Обезземеливание граждан и социальное расслоение «общины равных» в критских полисах толкало в это время критские города на выведение колоний и захват новых, неосвоенных земель на острове (Plato, Leg., VI, 1, 752D—E). Ко II в. до н. э. процесс развития частной собственности, в том числе и на землю, и развитие товарно-денежных отношений зашли на Крите уже столь далеко, что Полибий имел основание писать: «Во всем критяне представляют противоположность лакедемонянам. Так, законы их позволяют каждому расширять свои земельные владения до бесконечности, кто сколько может, потом деньги у критян имеют такую цену, что обладание ими почитается не только необходимым, но и весьма почетным» (V, 45, 3—5; 46, 1).

Следствием разорения значительного числа граждан на Крите, как и в Спарте, было развитие наемничества. По сообщению Ксенофонта, на стороне Агесилая, среди других сторонников Спарты, выступило и около 300 критских стрелков (Hell., IV, 2, 16).

Специфической чертой социально-экономического развития критских полисов являлось длительное сохранение пережитков общинной собственности на землю, а также разнообразных и многочисленных пережитков первобытно-общинных отношений в общественном строе и быту критян. Эта особенность наложила отпечаток на весь характер критского общества VI—IV вв. до н. э.

Длительное сохранение коллективных форм землевладения или их пережитков способствовало длительному существованию на Крите ряда примитивных социальных институтов. Так, например, в критских полисах в течение долгого времени сохранялся архаический институт совместных трапез мужчин — андрий (*ἡ ἀνδρεία*), — материальной базой существования которого было наличие пережитков общинного землевладения. Связь андрий или сисситий, как они назывались в Спарте, с общинной собственностью на клеры и вообще с мало развитыми частнособственническими отношениями отмечали уже античные писатели. Но, принимая следствие за причину в этом процессе, они не могли прийти к правильным выводам. Так, Платон и Аристотель придают этому явлению противоположный действительности смысл. Античные писатели приводят многочисленные примеры существования андрий или сисситий в различных экономически слабо развитых государствах Греции. Особенно часто встречаются упоминания о сисситиях в Спарте. Страбон, ссылаясь на Эфора, приводит отрывок из стихотворения Алкмана, содержащий сведения о них (Strabo, X, 4, 18). Согласно сообщению Платона, сисситии существовали в Милете, в Беотии, в Фуриях (Leges, I, 636B). Аристотель ука-

зывает на существование мужских союзов в Карфагене, подобных спартанским сисситиям (Politica, II, 1272b). Интересно также сообщение Диодора о жителях Липарских островов (V, 9, 4—5). Материал источников (литературных и частично эпиграфических) дает довольно полное представление о характере критских андрий.

Аристотель сообщает, что критский законодатель ввел сисситии, или андрии, с целью установления общности имущества «... ὡς περὶ τὰ περὶ τὰς κτήσεις ἐν Λακεδαιμονίᾳ καὶ Κρήτῃ τοῖς συσσιτίαις ὁ νομοθέτης ἐκείνῳ» (Politica, II, 1263 b).

Ввиду того, что на Крите общество сохранило в значительной степени родовые подразделения, андрии — совместные трапезы свободных критских граждан — были организованы по строго родовому принципу. Все взрослое мужское население критских городов должно было присутствовать на общественных обедах в своих гетериях. Нарушение этого правила строго каралось.

Критяне, как и спартанцы, должны были посещать андрии с детского возраста (Strabo, X, 2, 20)¹. Однако критские андрии имели своеобразное устройство и отличались по своему характеру от спартанских сисситий. По известному рассказу Плутарха в биографии Ликурга, каждый спартиат должен был поставлять для сисситий ежемесячно один медимн ячменя, восемь кружек вина, пять мин сыра, две с половиной мины винных ягод и некоторое количество денег, необходимое для приобретения других предметов. Критские же андрии в основном устраивались на государственный счет. Так, Платон сообщает, что на Крите андрии отличаются тем, что в них существует своеобразный характер «распределения доставляемых страной припасов» (Leges, VIII, 842 B). Аристотель дает более полную картину устройства критских андрий: «Со всего урожая и [доходов от] скота и с налогов, которые платят перязки, одна часть поступает на дела культа и общественные повинности, другая часть на сисситии» (Politica, II, 1272a).

Такое устройство обеспечивалось существованием на Крите государственных земель и государственных рабов-мноитов. Это позволяло участие отдельных граждан в андриях ограничивать лишь внесением одной десятой части доходов. Так, по сообщению Досиада, историка III в. до н. э., приводимому Афинсем, в городе Ликте каждый должен был поставлять «в гетерию десятую часть всех имеющихся у него продуктов» (Athen., IV, 143, 22). Досиад же сообщает о том, что критские рабы должны были также поставлять для андрий деньги в размере одного афинского статера (Athen., IV, 143, 22). Очевидно, подразумевались рабы типа кларотоввойкеев, имевших свое имущество. Впрочем, сообщение это относится к городу Ликту и вряд ли можно его распространять на все критские полисы в равной степени.

Критские андрии были собраниями мужчин-воинов, военный характер этих объединений особенно сказывался во время походов, когда товарищества по совместным трапезам превращались в военные организации². Военный характер критского общества способствовал длительному сохранению и такого примитивного института, как пережитки возрастных классов. В ГЗ и у авторов неоднократно встречаются термины: ἄωρος, ἀπόρομος, ἀπαγελος, ἀγελάτας³. Иногда употребляется слово ἴβιον, равно-

¹ О существовании андрий на Крите известно также из эпиграфических документов. См. SGD1, III, Н. II, № 4992.

² См. Strabo, X, 4, 18.

³ LG, I, 41; III, 22; V, 54; VI, 35; VII, 36; VII, 37; VII, 41; VII, 55; VIII, 52.

значное термину ἀπόδρομος. Под ἄυωρος имеется в виду мальчик, не достигший 14 лет, или девочка до 12 лет. Юноши от 14 до 18 лет называются ἀπόδρομοι, что значит буквально «не участвующие в состязаниях в беге»¹.

Участие в спортивных соревнованиях могли принимать только достигшие совершеннолетия граждане, которые обозначались термином δρομείς (бегун). В эту категорию входили мужчины и юноши старше 18-ти лет, получившие гражданские права и допущенные к участию в спортивных играх. Критские возрастные группы соответствовали естественному возрастному делению на мальчиков, юношей и взрослых мужчин. Полноправные взрослые мужчины — дромей становились воинами, получали право носить оружие и участвовать в политической жизни. Объяснение происхождения андрий путем заимствования, как это обычно делают античные авторы, нельзя считать удовлетворительным. И название этого учреждения и его сущность указывают на сходство с мужскими союзами, возникающими в родовом обществе при переходе от матриархата к патриархату².

Сохранение в критских полисах пережитков родового строя, в частности мужских союзов и возрастных подразделений, объясняется, на наш взгляд, длительным существованием пережитков общинных форм собственности на землю. Этими же причинами был обусловлен и характер воспитания критской молодежи, которое преследовало цель создания выносливых и ловких воинов и было направлено на развитие силы, ловкости и смелости у юношей (Strabo, X, 4, 16; X, 4, 20).

Критские юноши объединялись в особые отряды, называемые, как и в Спарте, агелами. В агелах они вместе занимались спортивными и военными упражнениями (Strabo, X, 4, 20). Дети принимали участие в андриях в качестве слуг и помощников, где за ними наблюдал особый надзиратель — педоном (Strabo, X, 4, 20).

Для нас интересен способ организации агел на Крите: «Юноши, принадлежащие к одному из самых знаменитых и могущественных родов (οἱ ἐπιφανέστατοι τῶν παίδων καὶ δυνατώτατοι), собирают агелы, каждый сколько сможет собрать. Главой каждой агелы бывает большей частью отец того юноши, который собрал агелу; он имеет право вести юношей на охоту, на ристалища и наказывает непослушных. Пишутся они на государственный счет» (Strabo, X, 4, 19 сл.). Это высказывание Эфора, приведенное Страбоном, интересно для нас прежде всего тем, что оно проливает свет на характер общественного строя критских полисов в целом. Такой способ подбора и организации агел, когда главой их становился отец юноши из наиболее знатного и могущественного рода, свидетельствует о ярко выраженном аристократическом характере критского общества. Второй важный момент, на который указывает Эфор, состоит в том, что агелы, подобно андриям, содержались на государственный счет. В античной истории этот факт отнюдь не был исключительным³. Роль государства в жизни критского общества сказывалась не только в том, что оно экономически поддерживало существование андрий и агел, но и в том, что оно всесторонне регулировало частную жизнь граждан.

¹ Подробнее см. R. F. Willetts, *Aristocratic Society in Ancient Crete*, гл. I, раздел 2.

² О мужских союзах и возрастных классах см. H. Schurtz, *Altersklassen und Männerbünde*, В., 1902. Относительно сходных институтов в Милете см. работу С. Я. Лурье, *Ein Milesischer Männerbund*, *Phylologus*, 85, 1927. Однако оба автора не связывают существование этих институтов с примитивным характером земельных отношений.

³ Вспомним об общественном образовании и воспитании юношей в Теосе, где учители оплачивало государство (Dittenberger, *SIG*³, № 349).

Молодой критянин не имел права жениться по своему усмотрению: «У критян все вышедшие в одно и то же время из агелы юноши обязаны жениться», — сообщает Эфор (Strabo, X, 4, 20). Государство на Крите, заинтересованное в получении крепких и выносливых воинов, регулировало брачные отношения граждан, воспитание детей и юношей. Безбрачие на Крите, очевидно, либо, как в Спарте, не допускалось вовсе, либо осуждалось обществом. Брак и семья на Крите были не частным делом гражданина, а делом всего государства.

Аристократизация общественного строя в критских полисах была в значительной степени следствием постепенного имущественного расслоения свободного населения, роста частной собственности на землю и концентрации земельных владений в руках отдельных аристократических семейств. Сдвиги, которые произошли к IV в. до н. э. в социально-экономической жизни острова, ярко отразились на формах политической и социальной борьбы в критских городах, позднее приведшей к демократизации общественного и государственного строя острова. Обострение социальной борьбы очень хорошо видел Аристотель, давший описание современного ему положения критского общества: «В порядке вещей [на Крите] также и то, что зная, разделяя народ и приобретая для себя сторонников, создает беспорядки, возмущения и междоусобную борьбу...» (Politica, II, 1272b). Автор «Политики» опасался, что такое положение в государстве могло повести к потере им независимости при внешних столкновениях, которых критяне избегали лишь благодаря географической обособленности острова: «Когда государство находится в состоянии, подобном описанному, возникает большая опасность в том случае, если кто-либо пожелает и сможет напасть на него» (Politica, II, 1272b). До этого времени критская общественная жизнь была исполнена консерватизма, основная причина которого заключалась в медленном развитии критской экономики и социально-политических форм. Поэтому социальная борьба вспыхнула с особой силой именно в IV в. до н. э., когда резко обозначились противоречия между рядовым свободным населением и аристократическими слоями критской «общины равных», переставшей, таким образом, существовать.

Политическое преобладание отдельных аристократических родов, обусловленное их экономическим могуществом, способствовало сохранению олигархического характера государственного строя критских полисов вплоть до момента, о котором рассказывает нам Аристотель. Этот автор прекрасно понял антидемократическую сущность критского политического строя по отношению к массе свободных граждан. Он определяет критский политический строй как династию (Politica, II, 1272b). Династией же, согласно классификации государственных форм, приводимой философом, — особая разновидность олигархии, «когда управляет не закон, а магистраты» (Politica, IV, 1292a). Олигархический строй, по словам Аристотеля, существует там, где «власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве» (Politica, III, 1279b), — и точнее: «Олигархией нужно считать такой строй, при котором власть находится в руках лишь богатых и отличающихся знатным происхождением и образующих меньшинство» (Politica, IV, 1290b).

Особенную ненависть демократических слоев общества, естественно, должен был вызывать институт космов, — оплот власти аристократии. Самый способ избрания космов определяет характер этого института как резко аристократический. Космы избирались не из среды всех полноправных критских граждан, а лишь из привилегированной его части, из среды родовой аристократии.

По сообщению Аристотеля, «на Крите космы избираются не из всего

народа, но из числа отдельных родов (ἐκ τινῶν γενῶν), а геронтов избирают из среды тех, которые раньше были космами» (Politica, II, 1272a). Поэтому к IV в. до н. э. институт космов превратился в орудие политического господства группы аристократических родов, несмотря на то, что избирались космы всеми гражданами. По словам Аристотеля, к которым в данном случае необходимо относиться с особой осторожностью, имея в виду противоречивое и тенденциозное отношение этого автора к спартанскому эфорату и критским космам, коллегия космов обладала неограниченной властью. Во всяком случае в руках коллегии космов было сосредоточено высшее военное и судебное управление (Politica, II, 1272a).

Очень интересен отрывок из «Политики» Аристотеля, в котором рассказывается о борьбе, завязавшейся на Крите в IV в. до н. э. вокруг коллегии космов. Аристотель пишет: «Часто против космов объединяются некоторые из числа коллегии или частных лиц и смещают космов с их должностей; впрочем, также и сами космы, в течение отправления должности, могут отказаться от нее... Самое же печальное — уничтожение должности космов (κόσμηα), часто осуществлявшееся могущественными лицами, которые не подчиняются приговору космов» (πάντων δὲ φαλοτάτων τὸ τῆς ἀκοσμίας. ἢν καθίστασι πολλῶν οἱ ἔν μὲν δίκας βούλονται δοῦναι τὴν δυνατῶν) (Politica, II, 1272b). Очевидно, бывали случаи, когда космы слишком злоупотребляли своей властью или же, наоборот, нарушали интересы выдвинувших их «могущественных лиц» — представителей аристократических слоев общества. Но тогда оказывалось, что существует возможность насильственного отстранения некоторых членов коллегии космов от должности теми же «могущественными лицами». Отстранение космов от должности и ἀκοσμία могло произойти в результате борьбы аристократии за свое политическое господство, которое в IV в. до н. э. и позже значительно пошатнулось в силу обострения социальных противоречий и классовой борьбы.

IV век до н. э. был веком временного усиления аристократических элементов в критском государстве, последней попытки родовой аристократии удержать в своих руках всю полноту политической власти. В обстановке ожесточенной социальной борьбы единство коллегии нарушалось. Не получивший поддержки одной из политических группировок косм должен был добровольно покинуть свою должность, чтобы избежать насильственного смещения более влиятельной партией.

Острая социальная борьба, разыгравшаяся, в первую очередь, вокруг коллегии космов, в дальнейшем привела к повороту в сторону большей демократизации критского государственного и общественного строя, когда институт космов хотя и не был уничтожен, но фактически лишился политической силы, перешедшей в руки народного собрания.

О жестокой классовой и партийной борьбе, продолжавшейся и в III в. до н. э., свидетельствуют многочисленные источники, в частности надписи из различных городов острова, враждовавших между собой. Особенно интересна клятва эфбов города Дрероса, относящаяся к 220 г. до н. э. В ней говорится о каком-то бывшем в городе заговоре, который был раскрыт. Жители города обязаны были поклясться «не начинать мятежа (μὴδὲ στάσιος ἄρξαι) и противостоять мятежнику, не вступать в соглашение ни в городе, ни за его пределами» и т. д.¹ В случае обнаружения общественного беспорядка эфб должен был сообщить об этом космам. Эта надпись по своему содержанию близка Херсонесской присяге.

¹ F. O l m s e n, Inscriptiones graecae ad inlustrandas dialectos selectae, Lipsiae, 1910, № 34, 60—70, стр. 65.

В одной надписи из города Итана на Крите, относящейся к III в. до н. э., речь идет о запрещении переделов земли и отмены долговых обязательств¹. Таким образом, на Крите в III в. до н. э. развертывались события, сходные с теми, которые наблюдались в значительном большинстве греческих полисов.

Вернемся к андриям и агелам, архаическим институтам, которые, сохраняясь при разложении примитивных устоев критской жизни, при земельной концентрации и обострении классовых противоречий, неизбежно должны были видоизменяться и получать иной социальный смысл. Длительному существованию андрий и агел на Крите способствовала их организация, превращавшая их, однако, в институты, носившие ярко выраженный аристократический характер. Критские андрии из совместных трапез свободных равноправных граждан становились аристократическими организациями, где положение участника определялось количеством продуктов и денег, которые он вносил. В то время, как спартиат, не внесший требуемого количества продуктов в сисситии, лишался права в них участвовать, а вместе с этим терял и свои гражданские права (по словам Аристотеля, «участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко, между тем, по традиции участие в них служит показателем принадлежности к сословию граждан, так как тот, кто не в состоянии сделать взнос в сисситии, не пользуется правами гражданства» — *Politica*, II, 1271b), критские андрии предоставляли обедневшим гражданам принимать в них участие.

Сохранение такого устройства андрий и агел на Крите в IV—III вв. до н. э., очевидно, соответствовало требованиям беднейшей части свободного населения удержать за собой гражданские права и предоставить реальные средства к существованию. На сущность и значение такого способа распределения продуктов для андрий, который существовал на Крите, указывает Страбон, ссылаясь на Эфора, по словам которого, этот способ существует для того, «чтобы более бедные, получая пищу от государства, имели бы столько, сколько и богатые» (*Strabo*, X, 4, 16).

Таким образом, архаические институты андрий и агел критское государство могло использовать в целях смягчения социальных противоречий, допуская к участию в них разорившихся и обедневших членов общины, которые не были в состоянии поставлять для общих обедов требуемого количества продуктов питания и денег. Примитивный обычай совместных мужских обедов превращался в средство борьбы государства с растущим социальным неравенством. Однако, поддерживая андрии и агелы, государство вмешивалось таким образом в частную жизнь граждан, руководя воспитанием детей и юношей, регулируя семейные отношения. Военный характер общества, поддерживаемый критским государством, был необходим ему как в силу существования многочисленного класса рабов, так и в силу растущей социальной дифференциации в среде свободных граждан.

Если «возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого вмешательства внешне-го или внутреннего насилия...»², то образование критского государства идет несколько иным путем. Оно происходит в известной степени под действием внешнего насилия, — дорийского завоевания, которое, безусловно, должно было оказать определенное влияние на самый процесс формирования ра-

¹ Dittenberger, SIG³, № 526.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 136.

бовладельческого способа производства, на характер государственного и общественного строя, на темпы оформления классового общества у завоевателей-дорийцев, так как факт завоевания сам по себе не совместим с сохранением у завоевателей родового строя. Уже в VIII—VI вв. до н. э. на Крите оформилось своеобразное рабовладельческое государство, примитивный военно-аристократический характер которого вполне соответствовал основной функции рабовладельческого государства — подавлению внутреннего сопротивления и господству над покоренным населением, обращенным в рабство.

Однако оба эти фактора (завоевание и необходимость держать в подчинении завоеванную массу рабов), придавшие критским полисам военно-аристократический характер и приведшие к сравнительно раннему оформлению государственной власти, в конечном результате оказались тормозом для дальнейшего социально-экономического развития критского общества, задерживая развитие частной собственности на землю и частного рабовладения, ремесла и торговли. Государственная машина военного типа сдерживала также и процесс расслоения внутри общины свободных граждан. В то время как развитие Атики после реформ Солона шло быстро вперед, критские полисы в социально-экономическом отношении развивались замедленными темпами.

Посреднический характер торговли Крита в V—IV вв. до н. э. и слабое развитие местного производства привели к потере торгового значения острова, к сокращению его торговых связей. Поэтому социально-экономическое развитие критских полисов в V—IV вв. до н. э. все еще в значительной степени отставало от передовых областей греческого мира.

